

- ⁴⁶ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 433, л. 1, 3; ГА ТО, ф. 1122, оп. 1, д. 3, л. 20–35, 72–85; д. 5, л. 1, 113; д. 9, л. 6–7; ф. 1742, оп. 1, д. 11а, л. 8–13.
- ⁴⁷ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 38, л. 56–57, 61; д. 255, л. 72–72 об., 108.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 1797, оп. 1, д. 387, л. 128.
- ⁴⁹ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 221, л. 64–65, 97–98, 238–246; д. 255, л. 34–35; ф. 579, оп. 1, д. 2229, л. 4–5.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 6831, оп. 1, д. 79, л. 37.
- ⁵¹ РГВИА, ф. 369, оп. 12, д. 3, л. 4–4 об.
- ⁵² ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 674, л. 1–2.
- ⁵³ ГА РФ, ф. 1778, оп. 1, д. 312, л. 68–69; РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1565, л. 41–42.
- ⁵⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1037, л. 290 об.-291 об.
- ⁵⁵ Там же, д. 511, л. 10–15.
- ⁵⁶ Там же, д. 277, л. 249.
- ⁵⁷ ГА РФ, ф. 6809, оп. 1, д. 8, л. 1–58; ф. 6831, оп. 1, д. 57, л. 7–8.
- ⁵⁸ Журналы Особого совещания по обороне государства. Вып. 2. 1917 г. М., 1978. С. 219–220.

© 2011 г. М. Д. КАРПАЧЕВ*

КРИЗИС ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам Воронежской губернии)

О причинах революции 1917 г. в России сказано много. Существует большое количество работ, посвященных анализу глубоких социальных корней революционного движения в России. Абсолютное большинство исследователей (как отечественных, так и зарубежных) оценивали крушение самодержавно-монархического строя как закономерный и, по существу, неизбежный итог освободительного движения¹. При этом роль главного детонатора социально-политического взрыва, случившегося в феврале 1917 г., практически все исследователи отводили продовольственному кризису. Получалось некоторое логическое несоответствие: без продовольственного кризиса падения монархии могло и не случиться. И шансы довести войну до победного завершения были бы не потеряны. Чтобы снять такое противоречие, советские историки старались доказать, что продовольственный кризис в свою очередь был закономерным итогом антинародной политики властей, заинтересованных исключительно в обеспечении прибылей и выгод эксплуататоров всех мастей: помещиков, промышленной и торговой буржуазии. В работах В. Я. Лаврычева, А.Л. Сидорова, А.А. Погребинского, П.В. Волобуева, Т.М. Китаниной, Д.С. Дякина, В.И. Старцева собран большой фактический материал об экономических трудностях в годы войны. Но основной вывод всех трудов одинаков: иного развития событий при царизме быть не могло, спасти страну от голода и разорения могла только социалистическая революция². После распада СССР историки чаще стали говорить о стихийном характере Февральской революции. Действительно, сохранилось множество свидетельств о том, что падение династии поразило современников своей внезапностью. Ни либеральные, ни революционные деятели (включая В.И. Ленина³) в большинстве своем не ожидали такой скорой и оглушительной развязки.

Стремительный выброс народной энергии в феврале 1917 г. породил немало версий о потаенных пружинах революционного процесса, в том числе о германских про-

* Карпачев Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 11-11-36-004а/Ц.

вокациях и подкупе⁴. Широкое хождение приняли суждения о таинственном заговоре масонов⁵. Новейшие исследования показывают, что выводы о стихийном характере народного движения в Петрограде сильно преувеличены⁶. При таком разбросе суждений необходимо изучить обстановку в регионах. Без этого нельзя понять подлинные причины кризиса государства на исходе тяжелой войны.

Не нужно лишний раз доказывать, что мировая война стала тяжким испытанием для народа. Перевод экономики на военные рельсы, массовые мобилизации, колоссальный рост государственных расходов не могли не сказаться на резком ухудшении материального положения народных масс. Между тем в первые месяцы войны положение с продовольственным обеспечением не вызывало больших опасений ни у властей, ни у большинства жителей империи. Русское сельское хозяйство, вставшее со времени премьерства П.А. Столыпина на путь рационального переустройства, неуклонно наращивало свой потенциал. В стране перед войной полностью удовлетворялись внутренние потребности в продуктах питания. Большие объемы зерна (до 800 млн пудов) ежегодно экспортировались на мировые рынки. И в годы войны сельское хозяйство успешно справлялось с повышенными нагрузками. Урожаи военных лет оказались не ниже благополучных показателей мирного времени. Прекращение же хлебного экспорта привело к образованию сверхнормативных запасов зерна, которые к 1916 г. превысили, по подсчетам специалистов, 1 млрд пудов⁷. По оценке современников и исследователей, отмечал П.В. Волобуев, «несмотря на обусловленное войной сокращение сельскохозяйственного производства в стране к весне 1917 г. имелись изрядные запасы хлеба, оставшиеся от богатого урожая 1915 г. и среднего урожая 1916 г.»⁸. Не испытывавший никаких симпатий к столыпинской политике и к монархии А.М. Анфимов также признавал устойчивость отечественного сельского хозяйства. Даже без учета хлебных запасов Сибири, писал он, «которые были весьма значительными, Европейская Россия вместе с армией до самого урожая 1917 г. могла бы снабжаться собственным хлебом, не исчерпав всех остатков хлеба от урожаев прошлых лет»⁹. Известный экономист П.П. Мигулин в начале войны утверждал: «Страна земледельческая, Россия, конечно, пострадает вследствие сокращения экспорта своих сельскохозяйственных продуктов. Однако это будет иметь и свою хорошую сторону: названные продукты подешевеют для внутреннего потребления, в то время, как они резко должны подорожать в странах промышленных»¹⁰.

Положение с продовольствием в Воронежской губ. тем более не должно было внушать опасений. В начале XX в. экономика губернии оставалась преимущественно аграрной, причем значительная часть производимой продукции систематически вывозилась в промышленные районы страны и на экспорт. По вполне достоверным данным губернской земской управы, ежегодный вывоз хлебов из губернии в 1909–1913 гг. превышал их ввоз примерно на 30 млн пудов¹¹. Конечно, во время войны воронежским земледельцам пришлось столкнуться с серьезными трудностями. По мобилизациям в армию из губернии ушло около 400 тыс. трудоспособных крестьян¹². Тем не менее оставшиеся дома труженики справлялись с повышенными нагрузками. Сказались несколько факторов: ощутимый избыток трудовых ресурсов мирного времени, рациональный курс столыпинского землеустройства, использование труда военнопленных¹³. Все 3 предреволюционных года показатели сбора хлебов и картофеля в Воронежской губ. можно признать благополучными. В 1914 и 1916 гг. общие сборы зерновых составили около 110 млн пудов, а в 1915 г. урожай оказался существенно более высоким, чем средний по меркам довоенного времени (около 150 млн пудов). При этом озимых хлебов было собрано свыше 63 млн пудов, яровых – около 72 млн пудов и картофеля – свыше 33.4 млн пудов¹⁴. Если учесть, что, по расчетам авторитетного в ту пору экономиста А.В. Чаянова, потребительская норма хлебов в губернии составляла 18 пудов на едока в год, то для удовлетворения собственных продовольственных нужд требовалось около 55 млн пудов, из которых горожанам вполне хватало 2 млн пудов. На семена требовалось около 20 млн пудов зерна и картофеля. Следовательно, в губернии должны были оставаться ощутимые товарные хлебные ресурсы (от 35 до 75 млн пудов ежегод-

но). По словам председателя Воронежской уездной земской управы Н.А. Александрова, высказанным в начале 1915 г., «уездное земство пришло к убеждению, что население Воронежского уезда благодаря хорошему урожаю в достаточной мере обеспечено рожью, просом и картофелем, т.е. предметами, которые оно не покупает»¹⁵.

Располагая общей информацией о достаточности ресурсов, власти поначалу практически целиком полагались на действие привычных рыночных связей. Потребности населения в продуктах первой необходимости обеспечивались свободной торговлей. Но все же определенное регулирование рынка продовольствия и фуража стало применяться с первых дней войны. Для удовлетворения военных потребностей был введен принцип обязательных закупок по фиксированным ценам. Успешное проведение военных заготовок достигалось установлением цены на закупаемое продовольствие и фураж, как правило, несколько превышающей рыночную. Финансовое обеспечение такой операции потребовало усиленной работы печатного станка¹⁶. Поставками на нужды обороны руководил правительственный орган – Главное управление земледелия и землеустройства, преобразованное вскоре в Министерство земледелия. На местах его представляли особые уполномоченные по закупкам хлеба для армии, получившие право приобретать продовольствие в необходимых объемах. В Воронежской губ. таким уполномоченным стал председатель губернской земской управы и член Государственного совета Российской империи В.Н. Томановский.

В первые месяцы войны положение с торговлей предметами первой необходимости (хлеб, мясные и молочные продукты, топливо и промышленные товары) беспокоило не вызвало. Об этом свидетельствовали сообщения с мест уездных исправников и руководителей учреждений общественного самоуправления. Однако к началу 1915 г. появились тревожные симптомы: обнаружился заметный рост цен практически на все товары массового спроса. В свободной торговле стали замечаться признаки сбоев, все более широкое развитие приобретала спекуляция. Оптимистический прогноз Мигулина об удешевлении продовольствия на внутреннем рынке оказался несостоятельным.

Беспокоясь за возможные социальные последствия роста цен, министр внутренних дел Н.А. Маклаков направил местным руководителям телеграмму с настоятельной просьбой выяснить причины подорожания предметов первой необходимости и выработать меры по удержанию этих цен «на нормальном уровне». Этот вопрос обсуждался на совещании при воронежском губернаторе Г.Б. Петкевиче 3 февраля 1915 г. Участвовали руководители администрации, земства, управления железной дороги, биржевого комитета и видные торговцы. Из собранной перед совещанием информации следовало, что к началу 1915 г. рост цен был еще не повсеместным. Например, «чрезмерное» (на 25–30%) повышение цен на хлеб, соль, рыбу, топливо и корма было зафиксировано в Землянском уезде. Об осязаемом росте цен 26 января 1915 г. доносил Острогожский уездный исправник. В его уезде до войны пуд ржаного хлеба стоил 1 руб., теперь же – 1 руб. 40 коп. при вполне достаточном урожае. Объяснялось такое положение воздействием внешних причин: размещением в уезде войск, прибытием большого числа беженцев, спекуляциями. Зато в Валуйском и Коротоякском уездах потребительский рынок был спокоен, здесь не отмечалось ни особого роста цен, ни дефицита продуктов¹⁷.

Как полагали участники совещания, на рост цен повлияли 3 основных фактора. В некоторых уездах землевладельцы поспешили продать хлеб военным заготовителям еще осенью. Известное количество хлеба закупили и уполномоченные из других губерний, хотя первоначально закупки такого рода допускались только в своих регионах¹⁸. Н.А. Александров отметил, что в его уезде основная причина повышения цен – «сравнительно большая скупка для войск, когда все более или менее крупные землевладельцы весь свой хлеб тотчас же запродали, так что у нас запасов почти не имеется, или очень мало»¹⁹. Второй фактор повышения цены – массированный вывоз хлеба из губернии скупщиками из других регионов. Назван был и третий фактор – начавшееся обесценивание рубля. Крестьяне же стали уменьшать вывоз хлеба на базар «в видах сохранения у себя запасов» на тот случай, если в грядущую весну из-за сокращения ра-

бочих рук им придется уменьшить посевную площадь. И все же общий вывод совещания был обнадеживающим: «крайнего недостатка в предметах первой необходимости в данное время в губернии не имеется и, хотя цены на эти предметы постоянно растут, однако чрезмерного их повышения не наблюдается»²⁰.

Местные власти с самого начала войны хорошо представляли себе меру социальной опасности, связанную с ростом дороговизны. Еще в сентябре 1914 г. совещание городских голов пришло к заключению о необходимости незамедлительного введения такс, т.е. цен, выше которых продажа не допускалась. Таксы были известны еще с довоенного времени. Формальное право регулирования цен у городских самоуправлений существовало с 1892 г., когда было утверждено особое Уставление о народном продовольствии. По закону такое регулирование могло касаться только печеного хлеба и мяса. В Воронеже таксы, причем только на печеный хлеб, впервые были введены 29 ноября 1907 г., скорректированы 4 апреля 1912 г. Тогда были установлены предельные цены на фунт черного хлеба первого сорта – 2.5 коп., второго сорта – 2 коп., белого весового – 3.5 коп.²¹ Низкая цена на хлеб, с точки зрения властей, защищала интересы малоимущих слоев населения. Для сравнения можно отметить, что зарплата квалифицированного рабочего составляла примерно 40 руб., а учителя гимназии – 100–120 руб. в месяц.

С началом войны таксы ввели все города губернии. Но некоторые города, сообщив на февральском совещании губернатору, назначили таксы и на другие товары первой необходимости (соль, спички, керосин, дрова, воду), «так что я был поставлен перед таким положением: или опротестовать это постановление как незаконное, или пропустить; но так как время было чрезвычайное, я решил их все пропустить, и они были за отсутствием протеста подведены под мои обязательные постановления, чтобы гарантировать население от чрезмерного повышения цен»²². Таксы рассчитывались на основании фактической себестоимости произведенных продуктов и стоимости их доставки на рынки. На протяжении войны таксы росли, но все-таки не так быстро, как того хотелось производителям и торговцам.

Вторым мероприятием регулирования стал запрет на вывоз из губернии хлеба и других жизненно важных продуктов до выполнения казенных закупок. Такое право губернаторы получили в середине февраля 1915 г. и сразу же стали им пользоваться. Уже 17 февраля губернатор Петкевич издал обязательное постановление о запрете свободного вывоза из губернии овса до 1 мая 1915 г., а спустя 5 дней запрет был распространен на вывоз зерновых продуктов, муки, фуража. Право на вывоз сохранили только представители казенных и общественных учреждений, снабженные специальными разрешениями²³. Но это мероприятие имело крайне негативные последствия. Оно ощутимо повлияло на расстройство частной торговли, при этом государственная система снабжения не вводилась²⁴. Как справедливо отметила Т.М. Китанина, «страна подверглась искусственному делению на ряд “уделов”, слабо связанных в хозяйственном отношении действиями военной администрации»²⁵.

Принятые меры оказались недостаточными. Цены весной и летом 1915 г. продолжали упорно расти. К концу первого года войны стало ясно, что административные методы их сдерживания начинают порождать дефицит и развитие черного рынка. Спекуляции предметами первой необходимости приобретали все более изощренный характер. Таксы сплошь и рядом нарушались, а действенного контроля над торговлей администрации установить не удалось. Особенно болезненно рост цен сказывался на положении малоимущих городских слоев, отчасти интеллигенции и даже мелкого чиновничества, чьи доходы явно не успевали за ростом цен. Страхи по поводу возможных акций социального протеста становились все более реальными, поэтому городское самоуправление летом 1915 г. решило усилить свою активность в этом направлении и выступило с инициативой организации собственной продажи продуктов без торговых наценок. Для этого управа решила открыть особые лавки, предварительно закупив продовольствие на собственные средства. Иначе говоря, управа решила выйти на рынок продовольствия в качестве самостоятельного игрока и попытаться сбить цены. К тако-

му решению воронежские руководители пришли после проведенного в Москве в апреле 1915 г. съезда Всероссийского городского союза. На нем они узнали, что первой к самостоятельным продажам населению предметов первой необходимости приступила Московская городская дума, выделившая на эти цели 3 млн руб.²⁶ В соответствии с решением городской думы от 14 октября того же года уполномоченные управы закупили за пределами губернии 176 вагонов ржи и 9 вагонов пшеницы. Заготовленное зерно было направлено на городские мельницы, а затем поступило в продажу по заготовительной цене в зависимости от сорта от 1 руб. 40 коп. до 2 руб. 80 коп. за пуд²⁷. Вскоре такие же операции были проведены с солью и сахаром. Для закупок городской управе пришлось брать кредиты, но объем их был невелик, кроме того, по мере реализации товаров, деньги возвращались в городскую казну.

Местные деятели называли такую акцию «муниципализацией» торговли. Поначалу администрация оценила эту акцию городской думы как весьма позитивную. Отмечая реакцию населения, начальник ВГЖУ 16 декабря 1915 г. информировал губернатора: «По полученным во вверенном мне управлении негласным сведениям попытки Воронежского городского самоуправления продавать по нормальной расценке муку бедной части населения встречены с некоторым удовлетворением как первые шаги в борьбе с торговыми спекулянтами, но в то же время вызывают критику в том смысле, что ничего пока не предпринято в смысле контроля, дабы мука эта попадала в руки действительно нуждающихся, а не кулаков-спекулянтов, кстати очень и открыто недовольными этими начинаниями управы»²⁸.

«Муниципализация» оказалась и недолговечной, и не безупречной. Городская управа не смогла обеспечить должного порядка при организации торговли через свои лавки. Дешевая мука часто попадала в руки совсем не тех, кому она предназначалась. Обеспокоенный губернатор 21 декабря 1915 г. направил в адрес городского самоуправления письмо, в котором советовал городской управе подумать о применении карточной системы²⁹. Примечательно, что одновременно с продовольственными трудностями стали расти политические амбиции городского самоуправления. В конце ноября 1915 г. Воронежская дума приняла решение о создании продовольственного комитета, в состав которого планировалось ввести кроме думцев гласных уездного и губернского земств, других компетентных лиц. Предполагалось, что такой комитет должен был стать параллельным органом власти и сосредоточить в своих руках все дело снабжения. Однако губернатор запретил эту инициативу как явно противоречащую закону о городском самоуправлении³⁰.

К весне 1916 г. продажа продуктов в лавках городской управы приостановилась. Воронежский полицмейстер С.К. Булыгин поспешил проинформировать губернатора о том, что у него появились сведения о нечистоплотных замыслах: «По имеющимся у меня сведениям, Воронежская городская управа прекратила продажу жителям города муки, по-видимому, с целью дать возможность усиленно поторговать мучным торговцам, которые почти все состоят гласными думы». Жители города крайне возмущены, писал полицмейстер, так как среди них упорно циркулируют слухи о том, что перед Пасхой торговцы хотят взвинтить цену муки до 7–8 руб. за пуд. На этой почве, предупреждал начальник полиции, возможны массовые беспорядки. Разгневанный губернатор потребовал от полицмейстера немедленно представить доказательства преступных действий членов городской управы, однако признаков сговора гласных полицмейстеру обнаружить не удалось. Городская управа развесила плакаты с объявлением, что продажа муки приостановлена ввиду истощенности запасов³¹. Но эпизод этот очень красноречив: коронная администрация и общественное самоуправление и в условиях войны продолжали давнее соперничество. Заложником в таком противостоянии мог быть только народ.

При ограниченном предложении купить хлеб было сложно, но даже успешная покупка еще не гарантировала успех дела. Представители городской управы не могли своевременно доставлять закупленный хлеб из-за острого дефицита железнодорожных вагонов. На заседании городской думы 26 ноября 1915 г. горячо обсуждалась проблема

доставки закупленной в Ростове-на-Дону пшеницы. Управляющий Юго-Восточной железной дорогой поначалу уверял, что вагоны будут даны, но когда руководители управы показали телеграмму своего уполномоченного о том, что вагонов для доставки пшеницы из Ростова не дают, «местное железнодорожное начальство пожимало плечами и кончилось дело тем, что на последнем заседании у губернатора пришли к заключению, что без подкупа мы вагонов не получим». В итоге уполномоченному пришлось дать «широкие полномочия» (т.е. деньги на подкуп. – М.К.), и 40 вагонов пшеницы в Воронеж все-таки прибыли³². Столь откровенное проявление коррупции, да еще в условиях войны, наглядно свидетельствовало о подрыве авторитета государственной власти.

В январе 1916 г. воронежский губернатор М.Д. Ершов снова созвал совещание местных руководителей и деловых людей. Предметом обсуждения вновь стали вопросы устранения дефицита продуктов и борьбы с дороговизной, а поводом для созыва – телеграмма министра внутренних дел, на сей раз А.Н. Хвостова, отправленная руководителям центральных губерний России 1 января 1916 г. В ней министр сообщал об обеспокоенности монарха разгулом спекуляции на внутреннем рынке. Николай II считал, что действия торговцев и предпринимателей можно расценить как непатриотические. Участники встречи констатировали продолжение роста цен на предметы первой необходимости. Так, в Бобровском уезде пуд пшеничной муки второго сорта стоил до войны 1 руб. 30 коп., теперь его цена поднялась до 3 руб. 50 коп., т.е. более чем в 2 раза, цена пуда подсолнечного масла поднялась с 5 руб. до 8 руб. 80 коп., пуда керосина – с 1 руб. 65 коп. до 2 руб. 60 коп., соли – с 35 коп. до 50–55 коп. и т.п. Сильно выросли цены на мясные продукты. Из г. Валуйки сообщали, что «повышение цен распространилось положительно на все предметы потребления, главным же образом чрезмерно повысилась цена на предметы, перевозимые по железной дороге». Н.А. Александров сообщил о следующей динамике цен в Воронежском уезде: пшеничная мука первого сорта подорожала с 2 руб. (довоенный уровень) до 3 руб. 80 коп., подсолнечное масло – с 4 до 8 руб., сахар с 16 коп. за фунт до 22–27 коп.³³ Информация аналогичного содержания шла на этот раз из всех уездов.

Как видно из приведенных данных, цены на основные продукты выросли в губернии весьма существенно, в 1.5–2.5 раза. Но правильная оценка тяжести роста цен возможна лишь при сопоставлении их с уровнем доходов населения. В июне 1916 г. в составе правительства появилось новое ведомство – Особый комитет для борьбы с дороговизной, который возглавил кн. Н.Л. Оболенский. Он немедленно запросил сведения об изменениях в оплате труда на территории губернии. По полученным канцелярией губернатора данным дневные заработки отдельных категорий работников в Воронеже выглядели следующим образом: землекоп в июне 1914 г. получал 1 руб. 20 коп., а в июле 1916 г. – 3 руб.; кузнец – 1 руб. 40 коп. и 4 руб.; маляр – 1 р. 50 коп. и 3 руб.; печник – 2 руб. и 4 руб.; плотник – 1 руб. 40 коп. и 3 руб.; столяр – 2 руб. и 4 руб.; токарь – 2 руб. и 4 руб.; слесарь – 1 руб. 75 коп. и 4 руб.; чернорабочий / женщина – 65 коп. и 1 руб. 25 коп.; малолетний – 50 коп. и 1 руб. 50 коп.³⁴ соответственно. По данным Воронежской ремесленной управы в хлебопекарной промышленности до войны заработная плата подручного рабочего составляла 15 руб. в месяц, а в сентябре 1916 г. – 40 руб., мастера – 30 и 75 руб.; булочного мастера – 40 и 100 руб. соответственно. До войны сапожник получал за изготовление пары штиблет 2 руб., а пары сапог – 3 руб., теперь же за пару штиблет он получал 5 руб., а за пару сапог – 6 руб.³⁵ Как видно, рост заработной платы у этих категорий работников до лета 1916 г., в общем, соответствовал росту цен. Примерно такая же картина наблюдалась (с небольшими колебаниями) и в уездах. Только в Нижнедевицком уезде из-за отсутствия спроса на труд заработки выросли незначительно, примерно на 25–40% (например, у плотника с 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 60 коп.)³⁶.

Очень заметно выросли заработки сельскохозяйственных рабочих. По сообщением земских управ в середине сентября 1916 г. дневные заработки пешего батрака поднялись за время войны с 60 коп. до 2 руб. 50 коп., конного – с 1 руб. 10 коп. до 5 руб. («в отдельных же случаях, как, например, по Рогачевской волости, цена доходит до

4 руб. пешему и до 14 руб. конному»³⁷. Понятно, что работу еще надо было найти, а в условиях войны сделать это было непросто. Поэтому для многих жителей, но особенно горожан рост дороговизны был крайне обременительным.

Многие участники совещания отметили, что торговцы и предприниматели нередко создавали искусственный дефицит и, пользуясь этим, получали чрезмерные барыши. Видный торговец С.В. Типцев, например, заявил, что необходимо найти способы ограничения подобных сверхприбылей. Я предлагаю, говорил он, «ограничить пользу промышленности и торговли не более как 50%». На удивленные реплики из зала по поводу величины таких доходов Типцев заметил, что «в настоящее время некоторые промышленники берут 300, 400 и даже 500%». Опытный купец хорошо знал положение дел и будучи разумным предпринимателем, предлагал строго наказывать дельцов, готовых, не считаясь с войной, гнаться за бешеной наживой³⁸.

Оживленный интерес на совещании вызвал вопрос об отношении крестьян к ценам на продовольственном рынке. Вплоть до столыпинских преобразований общинное крестьянство было в массе своей заинтересовано в сохранении низких цен на хлеб. Такое, внешне противоестественное отношение самых массовых производителей зерна к ценообразованию объяснялось натуральным характером экономики общинного крестьянства. Осенью крестьяне должны были погашать разнообразные задолженности по налогам и повинностям, а весной не менее половины из них даже в благополучные годы покупали недостающий для пропитания хлеб. Низкие цены позволяли крестьянам реализовать главную цель их трудовых усилий – обеспечить жизнедеятельность собственных семей³⁹.

Январское совещание констатировало, что отношение крестьян к ценообразованию за время войны изменилось самым радикальным образом. Целевые установки крестьянской экономики стали прочнее связываться с рыночной конъюнктурой. Главной задачей крестьянина становилось повышение доходности хозяйства. Участвовавший в работе совещания коммерсант И.В. Мещеряков обратил внимание на то, что укрепление материальных возможностей крестьян стало следствием резкого повышения спроса на их продукцию. В мясе, масле, яйцах, молоке и других продуктах нуждаются горожане, армия, многочисленные беженцы. Последних в Воронеже собралось до 80 тыс. В таких условиях у крестьян стали быстро укореняться рыночные подходы. Тяготы военного времени заметно повысили стоимость крестьянского труда. «Теперь крестьянин, который имеет лошадку, зарабатывает 6–7 рублей в день, и таким образом нам от них ждать дешевых цен не приходится»⁴⁰. За этими сетованиями Мещерякова скрывался факт драматического и давнего антагонизма интересов города и деревни. На протяжении десятилетий пореформенного развития низкая доходность земледельческого труда являлась одним из решающих источников накоплений, необходимых для роста молодой российской индустрии. Но чрезвычайные обстоятельства военного времени неожиданно и круто изменили положение дел. Не без доли социального эгоизма крестьянство считало, что оно продуктами обеспечено, а городские потребители теперь расплачивались за долгую экономическую дискриминацию деревни.

До войны и до проведения аграрных реформ большинство воронежских крестьян испытывало острый недостаток денег. Теперь же положение изменилось самым радикальным образом. «Вы, может быть, помните, – горько шутил городской голова Воронежа Г.А. Пуле, – что французский король Генрих IV мечтал о том, чтобы каждый его подданный раз в неделю имел курицу в супе». У нас, сейчас, заявил Пуле, «каждый крестьянин может каждый день кушать не только курицу в супе. Мы слышим, как на базаре крестьянин говорит: не дашь мне за индейку 5 руб., я сам ее дома съем. Значит, он может кушать не только курицу, но и индейку»⁴¹.

Пуле считал, что основную причину продовольственных трудностей горожан и быстрого ухудшения социально-политической ситуации надо искать в просчетах правительства, допустившего расстройство нормального товарооборота⁴². О вреде чрезмерного и при этом избирательного контроля властей говорил и Н.А. Александров. «Цены, – подчеркнул он, – повышаются исключительно в городе Воронеже, все регу-

лируется в городе, и к этому чутко прислушивается деревня». Председатель уездной управы привел колоритный пример: «Не далее как вчера один из священников рассказывал, как он поехал в Усмань, где продавались поросята по три рубля, ему показалось дорого, он поехал в Воронеж, но оказалось, что в Воронеже они 6 рублей, и когда он вернулся, уже этих поросят продавали по 6 рублей»⁴³.

Участники совещания сочли, что социальную ситуацию осложнила попытка сдерживания цен на продовольственные товары в то время, как цены на промышленные товары ничем не ограничивались. «Не соображаясь ни со стоимостью товара, не соображаясь с теми этапами, которые нужно было пройти, – заявил профессор Воронежского СХИ Н.П. Макаров, – эта такса, нарушившая обычный товарооборот в стране, разрушила более или менее правильную организацию передачи товара»⁴⁴. Крестьяне попросту не желали продавать свою продукцию по фиксированным ценам.

На совещании много говорилось о том, что общее ухудшение экономического положения в губернии парадоксальным образом сочеталось с заметным ростом денежных доходов крестьянства. В одном только Коротоякском уезде (одном из самых малых в губернии) крестьянам за 1.5 года войны было выплачено около 1.5 млн рублей в качестве ежемесячных субсидий за ушедшего на фронт призывника. Такие пособия от казны семьи мобилизованных получали по закону 25 июня 1912 г., в соответствии с которым каждый член семьи мог рассчитывать на денежное пособие в размере стоимости 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов пшена, 1 фунта постного масла и 10 фунтов соли, причем это пособие выдавалось не только на членов прямой семьи, но и на отца, мать, деда, бабу, а также братьев и сестер, если эти лица содержались трудом призванного. На детей младше 5 лет пособие выдавалось в половинном размере⁴⁵.

Кроме этого, около 1 млн руб. крестьяне сэкономили из-за введения в России с августа 1914 г. запрета на продажу крепких спиртных напитков. Деревня, по многочисленным свидетельствам современников, в те месяцы войны отрезвела⁴⁶, что, естественно, не могло не улучшить ее финансового благополучия. По точному наблюдению современного исследователя, для многих крестьянок военное лихолетье обернулось еще одним парадоксом: в их семьях наступил покой, а возросшие денежные остатки порождали чувство небывалой прежде комфортности. «Как признавались сами солдатики, до войны мужья часто пропивали деньги, одаривая их лишь иногда чаем да шелковым платочком. Теперь же, в военные годы, они сами могли решать, как и куда тратить деньги»... В этих условиях понятными становятся слова одной из солдатских жен, услышанные корреспондентом «Тамбовского земского вестника» в августе 1916 г.: «Мы теперь воскресли, свет увидели. Дай, Господи, чтобы война эта подольше прошла»⁴⁷. Конечно, на такое экстравагантное пожелание могла отважиться лишь самолюбивая натура, да и то, видимо, сгоряча. Но сам по себе факт такого настроения очень показателен. Есть основания говорить, считает современный историк, «о налаженной социальной политике государства по отношению к крестьянскому населению в годы Первой мировой войны. В некоторых случаях эти правительственные меры можно даже назвать скорее неразумными затратами, учитывая появление иждивенческих настроений в крестьянской среде»⁴⁸. Почва для таких настроений была и в Воронежской губ.⁴⁹

Январское совещание так и не выработало программы борьбы с дефицитами и с ростом спекуляции. В 1916 г. негативные тенденции в экономике губернии продолжали нарастать. Между тем настроения людей вызвали у местных властей растущее беспокойство. О тревожных диспропорциях в материальном положении населения губернии сообщал, например, подполковник П.А. Зякин, помощник начальника губернского жандармского управления по группе северных уездов в донесении начальнику ГЖУ от 26 апреля 1916 г. Касаясь материального положения крестьян, он отмечал «полное, редкое благополучие, выразившееся в том, что местные ссудо-сберегательные кассы вследствие переполнения деньгами не принимают новых вкладов». Согласно данным подполковника, «многие крестьянские семьи, получая по несколько пайков, делают большие сбережения. В уездах Коротоякском, Задонском и Землянском у весьма

многих крестьян стоят скирды хлеба из урожая прошлого года не обмолоченными, что является прямым показателем полного достатка и отсутствия нужды в сбыте хлеба». Но, констатируя значительные денежные накопления крестьянства, подполковник все же уточнил свое суждение о «редком и полном» благополучии деревни: «Дороговизну продуктов крестьяне испытывают далеко не так, как городские обыватели и другие сословия; крестьяне на все продукты, ими обрабатываемые, подняли цены и несут бремя высоких цен только на те продукты в своем обиходе, которые сами не выделяют»⁵⁰. В то же время горожане, особенно малоимущие, отмечал Зякин, испытывают тяжелые лишения.

О том, что сельское население успешнее городского справляется с тяготами военного времени, говорилось в конце 1916 г. на очередной сессии Воронежского губернского земского собрания. Война заставила быстрее искать пути рационализации аграрного производства. Сельские хозяева губернии только в 1916 г. заказали машин почти на 4 млн руб.⁵¹ Одновременно земцы с горечью констатировали, что возникшие во время войны проблемы с товарообменом вызваны плачевным состоянием отечественной обрабатывающей промышленности. «Война, – говорилось в земском докладе, – показала, как бедна Россия, несмотря на громадные природные богатства ее. Небольшие запасы фабрично-заводских продуктов, в значительной части своей заграничного происхождения, быстро были израсходованы, и население оказалось лишенным самых необходимых товаров, вроде кожи, мыла, свечей, сахара, красок, чернил, бумаги, спичек и т.д.» Закончится война, сетовали земские экономисты, «и если жизнь не будет построена по-новому, нагрянут в Россию иностранцы: американцы, англичане и, конечно, немцы. Снова наступит то или иное “засилье”, в действительности засилье нашей косности и отсталости... Опять русское сырье высокого качества будет отдано иностранным предприятиям внутри и вне России, а за это русские потребители получат второсортные фабрикаты за тройную цену»⁵².

Регулярно докладывая о политической обстановке на местах, сотрудники жандармского управления с тревогой сообщали о возрастающей вероятности открытых проявлений социального протеста. Ротмистр Малюгин, курировавший южные уезды губернии 23 ноября 1916 г. писал: «Отсутствие в городах и крупных населенных местах муки, керосину, и пр., непомерное их вздорожание и отсутствие надзора по наблюдению за ценами на них везде и в каждую минуту могут вызвать народные беспорядки и погром торговцев»⁵³. Считая вполне понятным нараставшее раздражение народа поведением торговцев, жандармский офицер видел большую опасность в том, что очень многие люди винили в своих бедах не только купцов, но и администрацию, не способную или не желавшую принять жестких мер против торговых спекуляций. Своеволие торговцев и фактическое бессилие власти порождали убеждение, что победить продовольственные затруднения могут только общественные силы, высшим представителем которых была Государственная дума. Такие настроения, по оценке ГЖУ, все чаще стали распространяться с весны 1916 г.⁵⁴ Именно с этого времени наблюдались самые высокие темпы роста цен.

Администрация так и не сумела найти эффективных способов борьбы с дороговизной. С течением времени выяснилось, что в ответ на жесткий контроль над ценами производители и торговцы начинали уводить товары с рынка. Эта опасная тенденция заставляла власти с опаской относиться к дальнейшему ужесточению ценовой политики. Отчеты жандармского управления убеждали, что в торговых операциях не соблюдение, а нарушение такс стадо нормой. Торговцы систематически нарушали все даже самые строгие «обязательные постановления». Об этом регулярно докладывали уездные исправники и жандармские офицеры. Однако информацией дело чаще всего и ограничивалось.

С лета 1916 г. власти все же попытались взять ситуацию с продовольствием под более жесткий контроль. Виды на урожай 1916 г. были гораздо более скромными, чем в предшествующем году, а рост дороговизны и перебои с поставками внушали все большую тревогу. В августе правительство приняло принципиально важное решение

о введении твердых цен на продовольствие, прежде всего на хлеб. Сторонники такой меры понимали, что твердые цены несовместимы со свободной торговлей. Наиболее простым способом обеспечения населения были признаны карточки. Впрочем, местные власти загодя готовились к наступлению на непокорный рынок. Уже 21 июня 1916 г. городской голова Г.А. Пуле обратился с просьбой к губернатору разрешить проведение «переписи населения города Воронежа и его пригородов на предмет введения карточной системы для наиболее правильного распределения среди населения продуктов продовольствия»⁵⁵. Проведенная в октябре перепись учла свыше 167 тыс. человек. Карточки, между тем, полагались на всех, даже на военнопленных. Местная газета еще 20 сентября поместила объявление: «Городская управа извещает жителей города Воронеж, получающих муку, что лавки, означенные на карточках, обязаны иметь продовольственные продукты, указанные городской управой». Цена на муку назначалась по 9 коп. за фунт без мешка. «Желающие получить муку в бумажных мешках обязаны платить за муку с бумажным мешком по 10 коп. за фунт»⁵⁶.

Карточки вводились на муку, сахар, керосин и мясо. Иногда, впрочем, на керосиновую карточку можно было получить сахар и наоборот. Нормы отпуска были скромными, но все же не голодными. По сообщению местной печати на карточку отпускалось 10 фунтов муки и 5 фунтов сахара на человека в месяц⁵⁷. Кроме того, на карточки отпускался и печеный хлеб по 3 фунта на человека в день. Особым постановлением городской продовольственной комиссии от 25 июля 1916 г. была определена норма довольствия мясом в 16 золотников на человека в день⁵⁸. Прожить на эти нормы было можно, хотя и с трудом. Оставалась, впрочем, возможность покупать продукты на рынках. Члены городской продовольственной комиссии сочли, что введение карточек на дефицитное мясо должно сопровождаться отменой таксы на этот продукт. В докладе от 22 сентября 1916 г. говорилось: опыт с таксами привел к снижению качества продуктов, «что мы видим на булках, черном и белом хлебе, а также на обуви и др.». Кроме того, «условия жизни в настоящее время настолько быстро изменяются, что такса на отдельные предметы за жизнью поспеть не может». Наконец, установление таксы на городских рынках ведет к перемещению торговли мясом в пригороды, где такой таксы нет⁵⁹. На белый хлеб отменили таксы в феврале 1917 г.; пшеницы в городе практически не было⁶⁰.

Карточки вводились, конечно, не от хорошей жизни. Потребление многих продуктов приходилось сокращать. И все-таки тяжесть материальных лишений воронежского населения переоценивать не стоит. Обеспечение людей по условиям войны выглядело отнюдь не трагическим. Например, местный предприниматель И.М. Рейхардт 23 февраля 1917 г. обратился в городскую управу с прошением отпустить ему карточки для нужд конторы. В противном случае, сетовал предприниматель, «я, к сожалению, принужден буду отказаться от традиционного обычая угощения моих служащих во время их утренних и вечерних в моей конторе занятий чаем»⁶¹. Что и говорить, отказ в бесплатном чаепитии можно считать жертвой, если забыть, что революция в Петрограде уже началась. Учтем также, что помимо карточек население, по данным полиции, покупало в иные дни конца 1916 г. свыше 100 пудов мяса.

Под давлением потребительского спроса власти порой вынуждены были идти на смягчение административных ограничений. Это особенно выпукло проявлялось во время больших праздников, когда народ приобретал продукты, не смущаясь ценой. Так, заботясь о подготовке к Рождеству и Новому 1917 году, губернатор Ершов сообщил о снятии до 20 декабря всех ограничений на вывоз и ввоз продуктов. Одновременно до 1 февраля 1917 г. отменялись все таксы для молока и молочных продуктов, мяса, рыбы, колбас, макарон, круп, «грибов и всякого постного масла, кроме подсолнечного». Поскольку Рождество пришлось на воскресенье 25 декабря 1916 г., городская управа упросила губернатора разрешить свободную торговлю мясом всю неделю с 19 по 24 декабря, так как население города «не успеет обеспечить себя мясом»⁶². А горожанам хотелось встретить праздник достойно.

Но карточная регламентация была несовместима со свободным рынком. Поэтому государству пришлось переходить к принудительной закупке продовольствия по фиксированным ценам. Министр земледелия А.А. Риттих объявил 29 ноября 1916 г. о введении в стране продовольственной разверстки. На смену свободным закупкам должны были прийти обязательные поставки продовольствия для нужд обороны по твердым ценам. Первоначальный план разверстки предусматривал ее введение в 21 губернии Европейской России, а Особое совещание по продовольствию определило объем обязательных поставок хлебов на грядущую заготовительную кампанию в 505 млн пудов⁶³. Размер наряда для Воронежской губ. включал около 36.5 млн пудов ржи, около 3.9 млн пудов пшеницы, свыше 2.4 млн пудов проса и свыше 4 млн пудов овса, а всего около 47 млн пудов разных хлебов. При этом министр предупредил, что не исключена дополнительная разверстка. Впрочем, нежелательного повторения разверстки можно было избежать, если губернское земство добровольно увеличит наряд на 10%. В таком случае в Воронежской губ. нужно было заготовить 51.6 млн пудов зерновых, в том числе 40 млн пудов ржи, 4.3 млн пудов пшеницы, 4.6 млн пудов овса и 2.7 млн пудов проса⁶⁴. Срок разверстки министерство установило с января до осени 1917 г. Поставки должны были вестись, по возможности, ритмично. Предусматривалось, что в случае отказа от поставок или сокрытия хлеба, у таких хозяев должно проводиться принудительное изъятие (реквизиция) с понижением твердой цены на 15%. При этом роль главных исполнителей заготовительной кампании на местах отводилась земским учреждениям.

Для организации разверстки 6–7 декабря в Воронеже было проведено совещание председателей уездных земских управ. Совещание принципиально одобрило разверстку и утвердило схему ее проведения. Сначала, путем местных обследований, выяснялось «то количество хлеба, которое может быть взято из всех частновладельческих хозяйств уезда, исходя из наличных запасов и размеров продовольственных и хозяйственных надобностей. Учтенное таким образом количество каждого хлеба, подлежащее отчуждению из частновладельческих хозяйств, вычитается из общего на уезд наряда и остаток разверстывается между волостями»⁶⁵. В первую очередь, следовательно, под разверстку попадали помещичьи хозяйства. Волостные правления, в свою очередь, должны довести величину наряда до каждого сельского общества. И, наконец, сельское общество определяло величину обязательных поставок каждого двора. Распределение нарядов по уездам губернская земская управа должна была провести к 14 декабря, к 20 декабря внутри уездов объемы поставок доводились до волостей, к 24 декабря волостные правления определяли задания для сельских обществ и, наконец, к 31 декабря о своем наряде должен был знать каждый домохозяин. Впрочем, местные власти могли и не проводить такой детальной раскладки, главное, чтобы они обеспечили поставку установленного объема хлеба.

На бумаге схема выглядела довольно стройно. Однако скоро стало ясно, что выполнить такую программу в короткие сроки не удастся. 12 декабря председатели уездных управ собрались на новое совещание. На нем сразу же пошел довольно нервный разговор о том, что заданная министерством цифра выглядит, по мнению руководителей земства, нереальной. В самый ответственный момент организации разверстки, воронежские земцы заявили, что они не могут понять, на каких основаниях исчислялся министерский наряд на поставку хлебов. Заявление совещания гласило: «Выполнение полностью данного на губернию наряда сопряжено с изъятием у населения всего хлеба без остатка, а между тем при расчетах вовсе не была принята во внимание потребность в хлебе, в частности ржи, на корм для скота»⁶⁶.

Подводя итоги совещания, председатель губернской управы В.Н. Томановский с особым чувством говорил о нежелательности насильственных действий против держателей хлеба. «Зачем же реквизируют и отбирать хлеб, если у нас не имеется надежды не только на передвижение его в армию, но и на мельницы?». Удовлетворительного разъяснения на этот счет, сетовал Томановский, председатели уездных управ от администрации получить не могли. «С моей точки зрения, – подчеркнул лидер воронежских земцев, нам нужно собирать хлеб, насколько это возможно, не прибегая ни к

каким круглым мерам, это будет некоторый плюс к тому количеству запасов, которое у нас имеется»⁶⁷.

Однако земские руководители лукавили. О хранившихся у крестьян и частных землевладельцев запасах зерновых они не знали и в ту пору знать не могли. Объективный анализ общих сборов и расходов зерна в военные годы свидетельствовал: хлеб в губернии был. Примечательно, что представителей коронной администрации жалобы руководителей местного земства не убедили. В декабре 1916 г. А.А. Риттих встречался с председателями ряда губернских управ. На встрече Томановский заявил, что представленную министром программу разверстки выполнить невозможно. На это Риттих твердо ответил, что хлеб нужен армии и заводам, что потребности городов следует удовлетворять из каких-нибудь других источников, а последняя его реплика звучала решительно: «Это дать нужно и дать это мы обязаны»⁶⁸.

В итоге позиция центральной власти только ужесточилась. Военный министр М.А. Беляев и министр земледелия Риттих в грозной телеграмме губернатору от 24 февраля 1917 г. потребовали без промедления приступить к усиленному вывозу хлеба, а там, где такой вывоз не начнется, в срочном порядке приступить к реквизициям, как у частных владельцев, так и у крестьян. Губернатор Ершов в тот же день разослал телеграммы во все уездные земские управы, в которых напомнил о надвигающейся распутице и потребовал немедленно приступить к поставкам хлеба. Если в трехдневный срок подвоз не начнется, то местным властям предписывалось приступить к реквизициям «с понижением твердой цены на 15 процентов и, в случае недоставки владельцами [хлеба] до приемного пункта, с вычетом сверх того стоимости перевозки»⁶⁹. Это были последние усилия коронной власти; через 3 дня режим пал.

Естественно, что введенная царским правительством 29 ноября 1916 г. хлебная разверстка не радовала крестьян. Предусмотренные такой разверсткой обязательные поставки по твердым и, как считали крестьяне, невыгодным для них ценам шли трудно. Но все-таки разъяснительная работа земских начальников в Воронежской губ. постепенно начала давать результат. Однако и в этой ситуации неуклюжие, плохо скоординированные действия властей угрожали сорвать важнейшую государственную кампанию. Символично выглядит донесение уже упоминавшегося ротмистра Малюгина от 28 февраля 1917 г. В последний день существования монархии дотошный жандармский офицер сообщал о крайне неприятном казусе в Валуйском уезде. Здесь крестьяне, получившие разъяснения на волостных сходах о необходимости доставки хлеба для надобностей фронта, согласились продать пшеницу по твердой цене в 1 руб. 90 коп. за пуд. «Многие из крестьян, – сообщал Малюгин, – пошли навстречу этому и стали возить хлеб, другие же противились этому и задержали хлеб у себя. Случилось затем так, что откликнувшиеся на предложение властей не успели еще получить деньги за поставленный хлеб, как услышали, что твердая цена на пшеницу поднялась с 1 рубля 90 коп. до 2 руб. 50 коп. Таким образом, более патриотично настроенные крестьяне получают за хлеб меньше, чем те, которые попридержали его у себя. Теперь среди крестьян царит такое убеждение, что чем больше задерживать у себя хлеб, тем больше правительство будет увеличивать твердые цены, а земским начальникам не нужно верить, так как они только обманывают народ»⁷⁰.

Однако дело было не в обмане народа земскими начальниками. Администрация имела основания считать, что губерния могла справиться с планом разверстки. Но у большинства местных деятелей общественного самоуправления были политические причины не проявлять особого рвения в выполнении правительственных предначертаний. В кругах общественной оппозиции прочно укоренилась мысль о том, что только «правительство доверия» способно вывести страну из затруднений и обеспечить успешное завершение войны. Любой успех правительства оппозиционерам был нежелателен. На декабрьском совещании шел разговор о том, что правительственный наряд невозможно выполнить: не хватает складов, низка провозная способность железных дорог, у крестьян все еще много необмолоченного хлеба, нет мешков, а население не обладает сознательным отношением к государственному заказу⁷¹. Скепсис и жалобы такого рода

свидетельствовали о разобщенности интересов администрации и самоуправления. Политические симпатии земцев принадлежали не правительству, а возникшему в середине 1916 г. Центральному комитету общественных организаций по продовольственному делу. Лидеры последнего, тесно связанные с Прогрессивным блоком Государственной думы, настойчиво доказывали, что только передача продовольственного дела из рук правительства в руки общественности может спасти положение⁷².

Примечательно, что сразу же после получения информации о падении монархии, вялый тон земских рассуждений поразительным образом изменился. Те же земцы 4 марта 1917 г., немедленно после получения сведений об отречении Николая II, заговорили о том, что план разверстки следует выполнять в полном объеме, что победа внешняя теперь, после победы внутренней, особенно необходима. Надо напрямч все силы «и призвать к тому, чтобы нужный для армии хлеб население скорее продавало, не дожидаясь, чтобы, когда наступит упорядочение железной дороги, к тому времени амбары около железнодорожных станций были заполнены»⁷³. Эта наспех выстроенная фраза – лишнее свидетельство политической ангажированности земских руководителей. Как видно, после падения монархии плохую работу железных дорог можно было и не считать помехой разверстке. Парадигма кризиса была с высокой эффективностью использована радикально-либеральной оппозицией для дискредитации монархического строя, причем не только в центре, но и на местах⁷⁴.

Совершенно очевидно, что в более крупных промышленных центрах градус общественного недовольства поднимался еще выше и мятеж, начавшийся в Петрограде после демонстраций 23 февраля 1917 г., стал лишь наиболее мощным проявлением социального протеста. Монархия в итоге пала, а погрузившаяся в глубокую политическую смуту страна утратила способность к организации серьезных военных операций. Но поначалу эта горькая истина до победителей старого режима еще не дошла. Не скрывали своей глубокой радости местные земцы. На первом же после отречения Николая II собрании была принята следующая резолюция: «Воронежское уездное земское собрание, собравшись впервые после переворота, освободившего русский народ от самовластия деспотии, почитает своим долгом принести горячие поздравления Государственной думе, ведшей в течение всей войны упорную борьбу со старым правительством, приведшую к полной победе народа»⁷⁵. Еще более дистанцируясь от обанкротившегося режима, уездные земцы обратились к строителям новой государственности с эмоциональным призывом: «Наконец, земское собрание, имея в виду, что сердцем России является первопрестольная Москва, в которой сосредоточиваются все помыслы России, тогда как Петроград по своему характеру скорее представляется международным, чем чисто русским городом, признает, что место Учредительному собранию, как в древней Руси земским соборам, должно быть в первопрестольной Москве, которая должна вообще стать центром государственной жизни»⁷⁶.

Сейчас можно только подивиться политической наивности воронежских земских деятелей. Какие действия коронных властей называли они самовластием деспотии? Введение продовольственной разверстки, основанной на методе убеждения? Что общего с деспотией имеет политика правительства, допустившего во время тяжелой и долгой войны деятельность оппозиционной Государственной думы? Не избыток самовластия, а дряблая и нерешительная политика помешала взять под эффективный контроль эгоистическую деятельность корыстолюбивых предпринимателей и торговцев. Наряду с этим резолюция воронежских земцев лишний раз свидетельствует о том, что продовольственные трудности стали козырной картой оппозиции в политической борьбе с ненавистным самодержавием. Чем больше ошибок допускал режим, тем больше политических дивидендов приобретали его оппоненты. Вот только с самовластием деспотии земцы просчитались. Оно оказалось не в прошлом. Его подлинное лицо земские либералы увидят очень скоро. А отдельным проницательным деятелям оппозиции через некоторое время придется признать, что именно их пресловутая принципиальность и нежелание конструктивно сотрудничать с коронной властью открыли путь сначала к социальному хаосу, а затем и к невиданной по самовластию диктатуре. Символич-

но, что столицей революционного государства в полном соответствии с пожеланиями земцев действительно стала Москва. Если судить по местным материалам, то можно сделать вывод о том, что экономическая политика вообще, а продовольственная в особенности проводилась в России в годы войны с большими ошибками. Но к февралю 1917 г. возникла все-таки угроза голода, а не сам голод. Такая же картина наблюдалась практически повсеместно. Например, в Самарской губ. в ту пору не было заметно никаких признаков голода⁷⁷.

Кроме того, никакой особой политики поощрения эксплуататорских классов (дворянства и буржуазии) ни центральная, ни местная администрация не проводили. Основные трудности власти заключались в том, что государство во время войны так и не решилось существенно ограничить владельческие права всех слоев русского общества, в том числе крестьянства как главного производителя и держателя продовольственных ресурсов. К примеру, в Воронежской губ. крестьяне производили свыше 90% хлебов и не менее 80% продуктов животноводства. Общество, в свою очередь, не проявило готовности пойти на ограничение таких прав. В решающий момент войны самую пагубную роль в судьбе государства сыграла давняя разобщенность интересов, а у верховной власти не хватило решимости ввести совершенно необходимый в тех условиях особый режим производства, экономии и распределения всех материальных, в том числе и продовольственных ресурсов. По точному замечанию В.С. Дякина, контролировавшая земства и городское самоуправление оппозиция несла немалую долю ответственности за обострение продовольственной ситуации, и при этом «все время использовала проблему дороговизны и нехватки предметов широкого потребления как доказательство неспособности бюрократии управлять страной»⁷⁸.

Приходится признать, что анализ социальной жизни в Воронежской губ., в общем, подтверждает правоту оценок лидера думской оппозиции П.Н. Милюкова: «Неограниченный внешний кредит и печатный станок, выпускавший каждый день бумажек на десятки миллионов, из которых складывались миллиарды, совершенно устранили всякое понятие о необходимости быть бережливым. Один за другим, широкие общественные слои переходили на содержание государства. Деревня не платила налогов и получала пайки. Рабочие не работали и получали быстро возрастающие оклады заработной платы. Фабрикантам эта плата возмещалась в столь же быстро возрастающей цене казенных заказов. Громадная армия тыла, содержавшаяся на казенный счет, приучала народ к праздности и к извлечению чрезвычайных доходов от народных бедствий, расстройств торговли и транспорта»⁷⁹. Жаль только, что о собственной ответственности за расстройство государственной жизни вождь кадетов решил промолчать. Спустя годы он признал, что в то критическое время спасти страну могло введение военной диктатуры, но сам он в 1915–1916 гг. сделал все, чтобы подорвать престиж власти во имя эфемерного «правительства общественного доверия».

Продовольственного кризиса в Воронежской губ. вплоть до 1917 г. не было. Его и не должно было быть, если учесть имевшиеся запасы хлеба и устойчивое положение сельского хозяйства. Но был затяжной кризис продовольственного снабжения, обусловленный ошибками экономической и финансовой политики, а также отсутствием координации в деятельности администрации и общественных организаций. Он то и сыграл роль важнейшего политического инструмента в борьбе оппозиционной обществу за устранение монархии. Причем не только в столице, но и в регионах России.

Примечания

¹ См.: Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1977. С. 77–94; Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970.

² Лаверычев В.Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1956. № 1. С. 141.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 328.

⁴ Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 261–262.

⁵ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 342; Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 128–129.

⁶ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 665–666.

⁷ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 464.

⁸ Волобуев П.В. Хлебные ресурсы России в 1917 г. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и рабочего движения в России. М., 1961. С. 404.

⁹ Анфимов А.М. Зерновое хозяйство России в годы Первой мировой войны (к истории продовольственного кризиса) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3. М., 1959. С. 493.

¹⁰ Погребинский А.П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 37.

¹¹ Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО), ф. 21, оп. 1, д. 2323, л. 31.

¹² Эти цифры можно вычислить на основании данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Из них следует, что призванные в армию по губерниям Европейской России составляли 47,4% всего трудоспособного мужского населения. См.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 21.

¹³ К концу войны в сельском хозяйстве Воронежской губ. было занято до 15 тыс. пленных, главным образом славянского происхождения. По данным на 17 февраля 1917 г. 12 760 пленных трудились в сельском хозяйстве, остальные привлекались к работам в городе, на транспорте, в промышленности и т.д. (ГА ВО, ф. 21, оп. 1, д. 2384, л. 62).

¹⁴ Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916. С. 2–4.

¹⁵ ГА ВО, ф. 21, оп. 1, д. 2207, л. 134.

¹⁶ С удивительной простотой решал проблему покрытия военных расходов глава правительства И.Л. Горемыкин. В беседе с В.Н. Коковцовым он благодушно заявлял: «Ну что за беда... Мы напечатает лишние 800 мил. руб. бумажек, как будто не ясно всем и каждому, что мы должны вести войну на бумажки» (Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 330).

¹⁷ ГА ВО, ф. 21, оп. 1, д. 2237, л. 7, 9, 13, 14.

¹⁸ Там же, л. 55.

¹⁹ Там же, л. 57.

²⁰ Там же, л. 104.

²¹ Там же, д. 1986, л. 16.

²² Там же, д. 2237, л. 50–51.

²³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1454, л. 17.

²⁴ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 596.

²⁵ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 67.

²⁶ ГА ВО, ф. 19, оп. 1, д. 3109, л. 6.

²⁷ Там же, л. 27–29.

²⁸ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1138, л. 77.

²⁹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 3109, л. 10.

³⁰ Там же, л. 5.

³¹ Там же, л. 8.

³² Там же, л. 55–56.

³³ Там же, ф. 21, оп. 1, д. 2207. л. 134.

³⁴ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 2219, л. 3.

³⁵ Там же, л. 73.

³⁶ Там же, л. 55.

³⁷ Там же, л. 61, 62.

³⁸ Там же, ф. 21, оп. 1, д. 2207. л. 126.

³⁹ Шаховской Д. Крестьянское хозяйство и война // Вестник сельского хозяйства. 1914. № 34. С. 13.

⁴⁰ ГА ВО, ф. 21, оп. 1, д. 2207. л. 128.

⁴¹ Там же, л. 132.

- ⁴² Там же, л. 133.
- ⁴³ Там же, л. 135.
- ⁴⁴ Там же, л. 132.
- ⁴⁵ ПСЗ-III. Т. 32. № 37507.
- ⁴⁶ ГА ВО, ф. 21, оп. 1, д. 2207, л. 120.
- ⁴⁷ *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 227.
- ⁴⁸ *Самохин К.В.* Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002. С. 19.
- ⁴⁹ Местные данные противоречат распространенному в советской историографии выводу о резком сокращении в годы войны доходов большинства крестьянских хозяйств. А.М. Анфимов, например, утверждал, что увеличенные доходы получало только зажиточное меньшинство крестьян (*Анфимов А.М.* Российская деревня в годы мировой войны (1914–февраль 1916). М., 1962. С. 275).
- ⁵⁰ ГА ВО, ф. 1, оп. 2, д. 1138, л. 193.
- ⁵¹ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 10084, л. 37.
- ⁵² Там же, л. 47.
- ⁵³ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1138, л. 377–378.
- ⁵⁴ Там же, л. 242.
- ⁵⁵ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 3288, л. 4.
- ⁵⁶ Воронежский телеграф. 1916 г. 20 сентября.
- ⁵⁷ Там же. 29 октября.
- ⁵⁸ ГА ВО, ф. 19, оп. 1, д. 3260, л. 8.
- ⁵⁹ Там же, л. 9.
- ⁶⁰ Там же, л. 17.
- ⁶¹ Там же, д. 3292, л. 7.
- ⁶² Там же, ф. 6, оп. 1, д. 2125, л. 2, 26.
- ⁶³ *Погребинский А.П.* Указ. соч. С. 58.
- ⁶⁴ ГА ВО, ф. 21, оп. 1, д. 2323, л. 21–25.
- ⁶⁵ Там же, л. 22.
- ⁶⁶ Там же, л. 23.
- ⁶⁷ Там же, л. 15.
- ⁶⁸ Там же, л. 14.
- ⁶⁹ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 2084, л. 97.
- ⁷⁰ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 1138, л. 419.
- ⁷¹ Там же, ф. 21, оп. 1, д. 2323, л. 27.
- ⁷² *Погребинский А.П.* Указ. соч. С. 59.
- ⁷³ ГА ВО, ф. 21, оп. 1, д. 2323, л. 60.
- ⁷⁴ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 673–674.
- ⁷⁵ ГА ВО, ф. 21, оп. 1, д. 2379, л. 13.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ *Голубинов А.Я.* Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник Самарского университета. 2007. № 5/3 (55). С. 198.
- ⁷⁸ Кризис самодержавия в России. С. 597.
- ⁷⁹ *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 26–27.